

Вступительное слово к каталогу персональной выставки

Генрих Игитян · вступительный текст к каталогу · 1980

Вступительное слово к каталогу персональной выставки

Дом художника Армении, Ереван, 1980

Имя Рудольфа Хачатряна давно и хорошо известно всем знатокам и поклонникам армянского искусства. С первых же самостоятельных шагов он заявил о себе как один из наиболее видных и последовательных мастеров национальной графики.

Рудольф Хачатрян кажется родился с карандашом в руках. Рисуют многие дети, впоследствии это увлечение уходит вместе с детством, сохраняются лишь наивные, яркие, фантастические краски, чаще являющиеся продуктом интуиции. С самых ранних неумелых зарисовок Рудольф уже мыслил как взрослый, а его рисунки, сделанные в четырнадцатилетнем возрасте, и поныне поражают стремлением к классической чистоте и завершенности. Его фанатическая любовь к Леонардо да Винчи с годами укрепилась и творчество великого итальянца на всю жизнь стало путеводной звездой Рудольфа Хачатряна. На определенном этапе сказалось увлечение Рембрандтом в великолепно исполненных портретах в технике сангины. Здесь уже меньше внимания уделяется детализировке, рисунок приобретает легкость и изящную экспрессивность. Графический портрет, экспонированный в Вене, принес Рудольфу Хачатряну звание лауреата Всемирного фестиваля. Ему было двадцать два года. Классика стала его единственной школой и критерием, ведь фактически он не учился ни в одном художественном заведении. Разумеется, это не правило, а исключение и в данном случае исключение счастливое, удачное. Таким образом, творческое кредо Рудольфа Хачатряна определилось с самого начала, хотя и у него были некоторые отклонения.

Внезапная волна широкой всеохватывающей информации, активно вторгнувшаяся в художественную жизнь Армении в начале 60-х годов, не обошла и Рудольфа Хачатряна. Художники, понимая—непонимая, бросились на «поиски» давно существующих и утвердившихся путей. В этом хаосе невозможно было избежать подражания, а порой и прямого плагиата. Вероятно, в создавшейся суматохе была определенная закономерность, желание вырваться из круга стандартных, окаменевших представлений, желание не отстать от темпов жизни, от достижений современного мирового искусства. Подобно молодому вину, все эти поиски бродили, бродили, иногда превращаясь в чистое крепкое натуральное вино, чаще же в плохой уксус. Очевидно, все определялось степенью талантливости и организованности личности. Ведь людей способных, восприимчивых немало, а умеющих

утвердить свои позиции, без стеснения остающихся самими собой весьма и весьма мало. Это качество едва ли не одно из самых ценных в становлении таланта.

В творчестве Рудольфа Хачатряна наблюдались самые резкие скачки и метания от сюрреализма к кубизму, но рисунки четырнадцатилетнего мальчика, часто появляющиеся из папки, напоминали о себе с некоторым упреком. Тем не менее в безудержных метаниях сказывались смелость и стремление использовать решение новых задач. И несомненно, определенная польза от этого все же была, они расширили кругозор, окончательно убедили в правильности последующего развития художника.

Прошли годы, и один из ультрасовременных армянских художников стал создавать реалистические произведения, пользоваться натурой. Здесь необходимо оговориться. Ни в данном тексте, ни вообще автор этих строк ни в коей степени не отрицает эволюцию формы и самые активные поиски новых путей в искусстве. Сказанное выше, прежде всего, относится к честности, совести художника, к его преданности собственным идеалам. Рудольф Хачатрян к этому пришел. Что это? Бегство, отход от позиций, демонстрация слабости или, наоборот—сила, утверждение воли и веры? Убежден, что последнее.

Глядя на портреты, нарисованные карандашом за последние годы, вспоминаешь те детские драпировки, сделанные с недетским терпением и отсутствием какого-либо проявления инфантильности. Напротив, складывается впечатление, что их автор никогда не был ребенком и с самого начала мыслил как взрослый художник. Но если в ранних рисунках цель ограничивается стремлением познать ремесло, и, откровенно говоря, за виртуозной штудировкой не ощущается никакой загадки, то на новом этапе, характеризующемся возвращением к первоначальному кредо, мы уже имеем дело со зрелым мастером графики, для которого рисунок—само творчество, само искусство, законченное произведение.

В искусстве всегда было трудно остаться честным, последовательным и принципиальным. Колоссальная информация, буквально обрушивающаяся шквалом на каждого человека—тяжелое бремя, которое не каждый способен вынести. Отсутствие твердых позиций приводит к курьезам, а нередко и к абсурду. Короче, в наши дни, как и во все эпохи, рождаются личности, но сейчас, более, чем когда-либо, человеку трудно сохранить индивидуальность. С одной стороны ряд соблазнов модных, конъюнктурных, с другой—груз информации, накопление многовековой мировой культуры, при ознакомлении с которой может показаться, что все и вся исчерпано. Суета сует способна изжить из человека все собственное, сделать его придатком несущегося с чудовищной скоростью снаряда, именуемого XX веком.

В искусстве приемлемо все, что талантливо, самобытно. Чем свободнее и точнее художник себя выражает, тем ценнее созданное им для общества. Манера и метод художника не только дело его воли, более того, оно естество и сущность творческого индивидуума. Фальшь ни в кои времена не приживалась. Чистота, правдивость и искренность донесли до нас дыхание далеких веков. Этот маленький монолог не является лирическим отступлением, напротив, он непосредственно связан с предметом нашей темы, с творчеством армянского графика Рудольфа Хачатряна.

Во все времена люди естественно полагали, что их эпоха особенная. Менялись мировоззрения, эталоны, системы, формации, но ценность искусства помимо всего прочего, определялась качеством, именно этот фактор роднит самые противоположные по тенденциям произведения искусства и объединяет их в понятие мировой культуры. Так или иначе, во все эпохи существовало более эмоциональное экспрессивное и сосредоточенное скрупулезное мышление, опять таки мы не станем проявлять тенденциозности ни к тому, ни к другому. Все определяет талант!

О том, что Рудольф Хачатрян талантлив, стало известно чуть ли не с первых рисунков, сделанных им в детстве. Но весьма трудно было предугадать, каким будет дальнейшее развитие юного художника—причем не только зрителям, но как показало дальнейшее, и ему самому. Вот здесь и сказалась борьба личности с информацией и прочими соблазнами времени. Тем не менее, если проследить весь путь, пройденный Рудольфом Хачатряном, нетрудно понять где истина, а где чужеродное, от которого он сумел избавиться и окончательно утвердить свое художническое кредо. Утерянное на каком-то этапе чистое «я», скрывающееся где-то в глубине души, победило, утвердилось прочно и уже навсегда. Душа его обнажена, открыта, но далеко не каждый вхож в нее: кажущаяся доступность его графических произведений, наружной простота привлекает и удивляет лишь ремесленная сторона, наивна и оскорбительна для художника и поклонников его таланта. Но, как произведения старых мастеров приковывали внимание надолго, так и рисунки Рудольфа Хачатряна требуют более глубокого проникновения.

Графические произведения Рудольфа Хачатряна менее всего, должно рассматривать как стремление к иллюзионизму при помощи отточенной техники, паталогической изошренности, или как стремление поразить маэстрией. Это, прежде всего, проявление веры и духовной силы. Поражают глубиной и удивительным мастерством исполненные автопортреты (1972—1976), портрет жены (1973), натюрморт с рыбами и луком (1976), портрет армянского лингвиста (1976). Без преувеличения и натяжки их можно назвать шедеврами графического искусства, они чисты и совершенны.

Ни один художник не должен изображать то, что чуждо его мировоззрению и мировосприятию, ни один критик не имеет права писать о художнике, который его не волнует, в противном случае пострадает истина—речь идет не только об умении, но и о честности. К сожалению, не все работы, которые будут представлены на данной выставке, известны автору этих строк, они не известны даже самому художнику и хранятся где-то в подсознании. Однако не вызывает сомнения, что лучшие из них будут достойны Искусства.

Произведения Рудольфа Хачатряна преисполнены глубокого артистизма, отрицающего внешнюю маэстрию и виртуозность. Стабильность ведет не к монотонности, а к бесконечному проникновению вглубь природы вещей. Частое перескакивание, отсутствие сосредоточенности нередко возникают от бессилия, прикрывающегося «творческими исканиями». Для Рудольфа Хачатряна время творческих поисков позади, в его искусстве настала пора того, во что он глубоко верит. Случайность, стихийность, импровизация начисто отмечены в сторону, углубленность в себя и в натуру, проникновение в суть—главная особенность его творчества. Графика для Рудольфа Хачатряна не есть нечто вспомогательное, прикладное, он ограничивается бумагой и карандашом не от неумения работать с другими материалами, которыми сегодня изобилует изобразительное искусство, а опять-таки от желания полнее выразить свои чувства в аскетическом материале, требующем полной отдачи, в чистом изложении, отвергающем эффектные всплески. Серьезность и значительность лучших графических произведений Рудольфа Хачатряна требует от зрителя пристального взгляда, заставляет уважать искусство графики. Он не сторонник разрушения, он представитель того направления, которое очищает изображаемое, добиваясь абсолютной кристаллизации предмета, и этот путь также бесконечен, как абстрагирование натуры. Чем дальше художник отходит от элементарного прочтения видимой природы, тем больше проявляется его участие в преобразовании материи. Как это ни парадоксально, абстрагирование проявляется не только в абстракции, но и в очищении натуры до крайней стерилизации предмета. Говоря проще, не одно, как один, как кажется многим художникам и критикам нашего времени. И, естественно, отдаление от визуально воспринимаемого предмета к каждому полюсу требует совершенства, чем отдаленнее от центра видимой материальности натуры, тем активнее доза творчества.

Рудольф Хачатрян совершенно отрицает сюжетность, повествовательность, которые нередко являются подпоркой и сопутствующими средствами для привлечения внимания. Подобное начало обязывает к беспредельной чистоте, требует мужества и мастерства. Каждая художественная концепция, будь она новой или старой, реальна лишь тогда, когда находит новые подтверждения истины. В этом случае художник всегда является новатором.

При всей точности передачи натуры, Рудольф Хачатрян не только избегает термина «точность», напротив, ревностно, до ресничек, утверждает его, поскольку он очень далек от натуралистичности и фотографической фиксации. Возможно, такое утверждение звучит несколько парадоксально, однако это именно так, ибо его волнуют проблемы света, тени, сочетание сильной и одновременно едва уловимой линии. Художник не прибегает к цвету, может быть он и не наделен даром колориста, но этот минус оказался плюсом: в его графике словно ощущается цвет, настолько определяющую роль выполняет тон.

Рудольф Хачатрян не ищет эффектов и более всего стремится к качеству. Каждый его рисунок все совершеннее в своей истине, он словно излучает внутренний свет. Для художника одинаково интересны, значительны и лук, и пуговица, и волосок, и глаз портретируемого—ко всему он относится с одинаковой любовью и вниманием.

Самое главное в графических произведениях Рудольфа Хачатряна — акцент, это именно тот фактор, которого не хватает многим, даже хорошим, вернее, грамотным рисовальщикам. Верность и точность акцента, усиление и ослабление линии придают рисункам Рудольфа Хачатряна особое изящество. Ему присуще умение создавать вещи, предметы красоты, постоянное стремление перейти за барьер недостижимости. Ведь у многих художников за поспешностью и лихачеством нередко скрывается желание количественного накопления, увы, не всегда приводящее к качеству, созданию непреходящей ценности.

Тайна природы и нескончаемости мгновений, в их неисчерпаемости. Можно сангиной сделать быстрый виртуозный рисунок, но выдержать эмоциональное напряжение в течение длительных сеансов, совершенно не прибегая к резинке, сохраняя чистоту—задача сложная. За двадцать, тридцать сеансов возникают особо напряженные эмоциональные мгновения. Процент их накопления — самая большая мечта художника, в конечном итоге именно в результате этого накопления и рождается совершенство в искусстве. Здесь недостаточно интуиции и ремесленного начала, суть—в божественном соприкосновении с природой, в органичном слиянии с ней, при котором собственное «я» нивелируется, не теряется, а, напротив, утверждает рождение новой материи, являющейся результатом разума человека, становящейся загадкой, принадлежащей вечности.

Генрих ИГИТЯН

Источник: Рудольф Хачатрян. Каталог персональной выставки. Дом художника Армении, Ереван, 1980. Стр. 12-17 (русский текст). Каталог двуязычный: армянский (стр. 6-11) + русский (стр. 12-17).